

Дмитрий Щедровицкий

Стихотворения
и поэмы

Дмитрий Щедровицкий

Стихотворения
и ПОЭМЫ

Электронное издание

Москва
«Теревинф»
2015

УДК 821.161.1-1

ББК 74.100.58

Щ36

В оформлении обложки использован рисунок автора.

Щедровицкий, Дмитрий

Щ36 Стихотворения и поэмы [Электронный ресурс] / Д.В. Щедровицкий. – Эл. изд. – Электрон. текстовые (1 файл pdf : 477 с.). – М. : Теревинф, 2015. – Систем. требования: Adobe Reader XI ; экран 10".

ISBN 978-5-4212-0113-7

Дмитрий Щедровицкий — широко известный библиист, автор многотомного «Введения в Ветхий Завет», трудов по истории и философии иудаизма, христианства и ислама — и в то же время удивительный поэт неоклассического направления. Его творчество характеризуется «сгущённой» метафорикой, позволяющей передавать черты оригинального мистико-философского мировидения, и богатством культурно-исторических ассоциаций. Стихи неоднократно получали высокую оценку критиков, включались в сборники лучших произведений отечественной поэзии, некоторые из них положены на музыку. Ему принадлежат переводы английской (Дж. Донн, Шекспир и др.), немецкой (Гейне, Рильке и др.), литовской поэзии, гимнов Кумрана, арабских и древнееврейских поэтов, персидских суфиев (книга притч Руми). Любовь и история, природа и мифология, экстаз и размышление, облекаясь в поэтическое слово, предстают в стихах Д. Щедровицкого в исконном, нерасторжимом единстве. В печатном виде книга опубликована в 2012 году издательством «Время». В книгу вошли избранные произведения многих лет.

УДК 821.161.1-1

ББК 84Р7-5

В соответствии со ст. 1299 и 1301 ГК РФ при устранении ограничений, установленных техническими средствами защиты авторских прав, правообладатель вправе требовать от нарушителя возмещения убытков или выплаты компенсации

ISBN 978-5-4212-0113-7

© Дмитрий Щедровицкий, 2012

СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ

ИЗ РАЗНЫХ КНИГ

Любовь моя — сад, безвозвратно
Вбегающий в осень.
Тысячекратно
Сад упования отбросил
Своих краснеющих дней.
Их стая
Кружится, в осень слетая,
И я выбегаю из сада за ней,
Но она — бесстрастно-святая...

Ангел с восточной миниатюры,
Юноша станом и ликом тюрок,
Оранжево-красно-синих
Крыльев, обширных и сильных,
Единым взмахом
Все времена обогнав,
Прекрасен и прав,
Склоняется перед Аллахом!..

Любовь моя — царь в окруженье
Врагов, чей воинствен вид.
Им царь проиграл сраженье,
Теперь любое движенье
Смертью царю грозит.
И царь, в безнадежности нищей,
Глазами в отчаянье идола ищет —
И видит: простёрся у царских ног
Сбитый стрелой деревянный бог...

Ангел с восточной миниатюры,
Юноша станом и ликом тюрок,
Ярко-малиново-жёлтых
Крыльев своих распростёртых
Единым взмахом
Все времена обогнав,
Прекрасен и прав,
Склоняется перед Аллахом!..

Любовь моя — журавлей вереница,
И ветра водоворот,

Срывая за птицей птицу,
Скрывает в провале вод.
И надо, в горестном хоре
Блуждая меж облачных глыб,
Лететь за злобное море —
Лететь ради тех, кто погиб...

Ангел с восточной миниатюры,
Юноша станом и ликом тюрок,
Сизо-сиренево-тёмных
Крыльев своих огромных
Единым взмахом
Все времена обогнав,
Прекрасен и прав,
Склоняется перед Аллахом!..
1985

НЕ ЗНАЯ САМ

Пора, мой друг, пора, покоя сердце просит...
...

Предполагаем жить — и глядь, как раз умрём...
Год 1836-й...

Когда поэт, не зная сам,
О будущем проговорится, —
В душе аира и корицы,
Шафрана аромат. Бальзам,
Пьяняще-тянущий и южный,
Кипит, питает и струится,
Неведомый Столицы вьюжной
Холодным голубым глазам...

Ах, всё ли ведает душа?
Должно быть, всё. —
Покуда тело
Мелькает средь Столицы белой,
И наслаждаясь и греша, —
Душа глядит оторопело
В грядущее, едва дыша.

Душа — снежинка Божества,
На гриве мраморного льва —
Сознания Вечного частица!
Душа — неоспоримый миф!

В тебе Грядущее вместится,
Споёт, ещё не наступив,
Своё вступление хоровое...

Там, где Нева меж снежных нив, —
Бегите, бедствуйте. Вас — двое:
Ты — в лёд закованный ручей,
И спит на дне живая Нимфа,
Ей снится Вечность-без-следа...

А этот стих — ответь мне — чей?
Её иль твой? Иль в каждой рифме
Сознанием скована вода?..

Во льду — пролески и прозимки,
Лишь капельки из-под пера
Оттаивают, как слезинки,
Бегут: «Пора, мой друг, пора...»

Что за таинственный бальзам?
Не эфиопского ль провидца
В славянских жилах кровь течёт,
Когда поэт, не зная сам,
О будущем проговорится —
И смерть свою же предречёт?..

1984

АЛИ

Со смертью Али прекратились потоки
И падали звёзды, воия о пощаде,
Вздыхались низины, померкли пророки —
И вспыхнуло небо, с землёю в разладе.

Но молвил Али о таинственном нищем,
Что явится ночью за царственным телом,
И брошен был труп на тележное днище,
И выли колёса в саду оголтелом.

Плоды опадали и лезли из кожи.
Но следом разгневанный вышел потомок,
И лошадь нагнал, и схватился за вожжи,
Взмахнув над возницей мечом средь потёмок.

И нищий откинул с чела покрывало:
Открывший лицо пролетавшей комете —
Али улыбался! И как не бывало
Ни лиц, ни времён, ни телеги, ни смерти.
1972

ОСЕННИЙ ПОЕЗД

А когда подымается дым
После каждого слова,
И вокруг, словно смерть, недвижим
Хмурый воздух соловый,

Непослушными пальцами мысль
Не удержишь — уронишь:
О, зачем ты столетьями тонешь?
Хоть сегодня — очнись!

Если холод иглою прошил
Загустевшее сердце,
Если в небе давно — ни души,
Если некуда деться,

Кроме этой звезды земляной,
Лубяной, заскорузлой,
Если судеб не рубится узел, —
Хоть не плачь надо мной.

Мир сгущенья и таянья. Мир
Той любви неоткрытой,
Для которой и рай был не мил,
От которой защиты

Нет во тьме гробовой, и нельзя
До конца расквитаться...
У одра холодеющих станций —
Загляни мне в глаза.
1978

Я — Дух, Я — Дух, Я — Пламя,
И Мне подобных нет:
Я высшими мирами,
Как ризою, одет!

1987

Дай причаститься сей земле,
Покуда день, покуда лето.
Пусть славится богиня из Милета,
А мы с тобой и так навеселе!

Вот облака сияющий ковчежец
Домчался к нам как дар Океанид.
Пусть славится дельфийский Стреловежец,
А нас вода сильнее вина пьянит!

Три возраста судьба на выбор предлагает,
Но средний мне милей.
Нет, не вина, воды налей:
Она не гасит — зажигает.

Забыв про цель, мир движется по кругу,
Жарой ритмической пленён.
И мы как высший дар
в сей день даны друг другу
По воле облаков, по прихоти времён!..

1990

ДОМ

Даже в детстве, где августа внешность
Просветлялась, неся благодать,
Я не знал, что мой дом — Бесконечность,
Я не мог, я не смел это знать.

Я-то думал, что дом мой — древесный,
От крыльца до конька мне знаком,
И Луна в него входит невестой,
Солнце входит в него женихом.

Ну а то, что ни разу их светы
Не сходились на свадебный пир,
Было разве что лишней приметой,
Сколь насмешлив забывчивый мир.

Ну а позже философы, с пеной
У пастей, мне кричали: «Дурак,
Полагайся на плотские стены,
Ведь за ними — молчанье и мрак».

Я же знал: то, что мыслит и веет
И во сне называется «мной»,
Пред палаткой из кожи имеет
Преимущество света пред тьмой.

Но и в юности, чья быстротечность
Листопадам сентябрьским сродни,
Я не знал, что мой дом — Бесконечность,
И что ею полны мои дни,

И всё то, что уже наступило,
И всё то, что ещё не сбылось, —
Балки страсти, свободы стропила —
Божьим взглядом прошиты насквозь!
1990

МОЛИТВА

О сын Иакова, ты слышал Божий зов
Не с гор пустыни, а среди лесов,
Средь клёнов-яворов российских,
Где славословят не левиты,

А стаи малых голосистых
Певцов. И свитки были свиты
Из тысяч тропок и путей,
И встреч нежданных, и потерь.

И эти свитки развернулись
Торжественною чередой
Резных и древних сельских улиц,
Церквей, растущих над водой.

В садах, заросших и забытых,
Блуждал ты, истину ища,
А вечер, словно древний свиток,
Величье Божье возвещал.

Ты жил в России как во сне,
Среди чудес её не зная,
Что Божий голос в сей стране
Величествен, как на Синае.

Ты тайным кладезем владел,
Что утолял любую жажду,
Ты мог слышать каждый день,
Что в жизни слышат лишь однажды.

О сын Иакова, тебе являлся Бог:
Его ты всякой ночью видеть мог.

Он был в короне крон кленовых,
Был в лунный облачён подир
И светом строф, до боли новых,
На всех путях твоих светил.
Он в веру тёмных изб заснувших,
Веков дремучих и минувших
Тебя безмолвно обратил.

О сын Иакова, и ты стоишь пред Ним,
Десницею лесной взлелеян и храним.

Как лес ты вырос до ночного неба,
Как лес твоя молитва поднялась
За этот край. Ещё нигде так не был
Певуч, раскатист, внятен Божий глас,

Как здесь — в стихами дышащей России.
Проси дыханья ей. Проси и ты,
Как предки неуступчиво просили
Средь огненной и грозной темноты.
1992

ИЗ КНИГИ «АНГЕЛ СООТВЕТСТВИЙ»

1968—1973

ИСТОРИЯ

Затихли затмения, знамения, конницы —
Слепые наплывы тяжёлой болезни.
И люди старались очнуться, опомниться,
Проснулись, узнали друг друга у бездны.

Им снились дороги России, Ассирии,
Сраженья у Тигра, Днепра и Арагвы.
Но дети ползли мимо сада красивого,
Тянулись века — от малины к оврагу.

Проснулись — не знали: им близко ли, чуждо ли,
Глядели вокруг, пробуждению рады.
Проснулись — не знали, страна ли, лачуга ли:
Во сне у оврага им годы почудились,
История шла — от малины к оврагу.
1969

ОЧИЩЕНИЕ

Всё мирозданье рвётся выздороветь,
И в первобытной темноте
Гроза вычерчивает изгородь,
Дрожит скворечник на шесте...

Деревья вновь живыми сделаны
За час древнейшего труда.
На дне канавы, в новой зелени —
Последние пластинки льда.

Содом, грозой сметённый начисто,
Жук выползает, словно Лот:

Там, за листом клубничным, прячутся
Развалины — лечебный лёд.

1970

ЧЕРНОВИК

...Как в клетке лев взывает о саванне,
Так слово в строчке поднимает вой
По силе стихотворства Твоего —
Ты сотворил Вселенную словами,

И, уничтожив первый черновик
Неудовлетворения волною,
Ты сохранил оттуда, вместе с Ноем,
По паре прочих выдумок живых...

Заметив смерчи в форме непарадной,
Ты можешь просто авторской рукой
Тетрадь пространства пролистать обратно,
И зачеркнуть, и вставить над строкой...

1970

УЧЕНИКИ

Нас опускают, словно ложку в мёд,
В сей бранный мир. Что на душу успело
Налипнуть, то и образует плоть —
И к старости стекает постепенно.

А раньше одного ведут учиться:
Должно же было этак повезти —
Родиться чистым! А другой, нечистый,
По прутьям клетки изучает числа,
Медовой нитью хобот опустив.

Вот так и слон на свете получился.

1971

МЕТЕОРЫ

Во сне встаю — и отхожу Иудой
От этой жизни — трапезы с Тобой.
Тесню кусты, как фарисей слепой,
И свет в дому и взгляд идут на убыль,

Восходят на ночные небеса,
Благословляют сквозь пресветлый ропот,
В благоговении живущий сад
И останавливает, и торопит,

И зрю я звёзд размеренный распад...

1971

ОКНО

Безнадёжнейший дождь.
Это даже, пожалуй, не дождь —
Только память о прежних дождях,
Многих, виденных мною отсюда.
Вынимаешь без лишнего шума —
И, стёрши пылинки, кладёшь
Предо мной этот старый рисунок —
И ходишь, художник-рассудок,

Ничего не придумав иного —
Только листик в ведре,
Прискакавший откуда-то лучик,
Что ищет ушедших,
Этот дождь безнадёжный,
Движение лип на дворе —
И рыданья внизу,
Что затишьем коснутся ушей их.

1971

АРМЕНИЯ

В винограднике влажном изрядно вспотели —
И уже разошлись. Лишь один не ушёл:
«Остаёмся ли гнить с нашим немощным телом?
Улетаем ли вдаль с нашей вечной душой?»

А мудрец, выжимая толстейшие гроздья,
Попросил: «Языком пару ягод сдави!
Ты пытался узнать, как устроены звёзды?
Раскуси, как устроены зубы твои!»

1971

ДОЖДЬ

Едва земля от слёз просохла,
На Пасху вспомнив про покойников,

В домах и в небе моют стёкла,
И грязь стекает с подоконников.

И небо смазано раствором
Неспешных туч — озёр несбывшихся.
Оно промоется не скоро,
Но после слёз легко задышится.
1971

ДЕРЕВО

Открытый мозг — зелёный вместо серого,
Тайник монет, сиянье нефти —
Само себе противоречит дерево,
Друг дружку избивают ветви.

В больной, не убегаящей воде его —
Весь ужас наш, живой и кожный.
Нет ничего торжественнее дерева,
Наряднее его, тревожней.
1971

ПРИГОРОК

Подрезанное дерево — диковинный светильник,
Берёзы — только вышиты, судьба — совсем с иголки.
Лесные звёзды спрятаны в суставах клёна тыльных,
И светятся раскрытые ворота на пригорке.

Несложный выкрик скрытых птиц по рошицам рассован,
В глотанье глины — голоса разломанной недели,
Из глуби запаха болот — из кислого, косого —
Зовут белёсо. Не поймёшь — ликуют ли, в беде ли.

И ветер выросший поёт, взобравшийся на клирос,
В воде сияют под травой невиданные лики.
Расстелем плащ, разломим хлеб, посетуем на сырость:
Идти придётся до утра — темно стучать в калитки.
1972

ОТВЕРЖЕННЫЙ

Меня поймать решили,
А я уже не здесь.
Я вижу руки Шивы,
В них — стрелы, меч и месть.

Я помню, как он вырос
Из запаха цветка...
Мой прах огонь не выдаст,
А пепел съест река.
1972

ПУШКИНО

Кожа груш — песочная на зуб,
О своём задумался лоточник,
И Всевышний прячет стрекозу
И не прячет — прямо на листочке.

Шестилетний мальчик, в этот миг —
От незрелой будущности влажной
Небольшой кусочек отломи
И прожуй. Тебе ещё не страшно.

Лишь лоток закроют на учёт,
Лист махнёт — и стрекозу отпустит, —
И пройдёт разросшийся зрачок
В перспелый жёлтый сок предчувствий.
1972

Казалось бы — всегда с Луною не в ладу,
А лучше — с яблоком садовым.
Но косточки горчат, и движется наш дух
Меж влажным и медовым.

Но капли входят в пар, и льётся молоко
Среди созвездий убелённых.
И птицы устают от белых облаков —
И прячутся в зелёных.
1972

СОЛНЦЕ

Священное зёрнышко ржи,
Для звёзд оно тоненько светится
И яблоком диким лежит
Под лапой Небесной Медведицы.

Из разных углов и времён,
Ступая по спаянным лезвиям,

Сверкает старинный Амон,
Разбросан по разным созвездиям.

И тот, кто просторы вскормил
С немymi, святыми, тиранами,
Сокровище — весь этот мир —
Играет горящими гранями.

1972

ЕВРОПА

И смирение, и тягостный стон, словно кто-то
Обманул: обещал — и не дал.
И столетья постятся в пустынях Востока,
И пасутся худые стада.

В истощенье застыли Креститель и плотник,
Райским благом желтеет вода,
И волхвы голодают, и ангел бесплотный
Поглощает бесхлебную даль.

.....

...Дичью пахнет и старым вином с гобелена —
И под ангелом лес и руда,
И голландские сёла лежат разговленьем,
И готические города.

Он метнулся к игле над скелетом собора,
И в игольные уши прошёл,
И со всеми святыми, крылат и оборван,
Помолился за племя обжор.

1972

Как самоцелью и судьбой сонат,
Как в сон глубокий,
Сквозные зданья снежные звенят
На солнцепёке.

Преображённый переходит в боль —
И виден лучше,
Когда так сладко редок лист любой
В осенней гуще.

И в небольшие эти города
Уйду на треть я,
Неразличимый от кусочков льда,
От междометья...

1972

Всему светящему бывает
От воплощенья тяжело,
Тогда на слово уповает
Обледеневшее стекло:

Кто оглянулся, сном уколот,
И как по пальцам перечтёт —
Сверканье, подлетевший холод
И в солнце листьев переход?..

1972

ПОСОХ

1

...Кому угрызенья зима задаёт,
Рождая ледовый фундамент,
Садами застывшими давит и бьёт,
Подземными реками давит?

Буран расцветает, он ясень несёт
Поставить над всеми другими.
Какое названье нисходит с высот
Забывшему прежнее имя?

Посеяв мечты о далёкой стране,
Кто в странствиях дивных остался,
Чей посох усталый расцвёл в тишине
В дали Киликийского Тарса?..

2

...Так душа зимой внезапной,
Облизав кору шершаво,
Охватив ветвями запад,
Поворот луча решала.

Посох — трубка мёртвой крови,
К жизни зимнее введение —

От Ствола всего живого
Принимает дар цветенья.

И рубахой духа, лавой
Ветер в мысли сохранится —
На извилистых заглавьях
Богом созданной страницы.
1972

EXODUS

Над умами, полными товара,
Над душой, площадью со стыда,
Городов холмистая тиара,
Непобитый козырь — Амстердам.

И один среди двухсот владельцев
Дыр в холмах и лучших в море мест
Жаждет в небо бурое взглядеться —
И узреть из туч проросший перст.
1972

ВСЕОБЩЕЕ

Безмолвно чистит перья пеликан,
Над ним звезда разверзлась крестной раной,
И в пустоте тихоня-океан
Ласкает обездоленные страны.

Волна уходит в ясный плач — с людьми
Страдать ребёнком, девушкой, старухой...
Прости меня, о Небо! Протяни
Сверканьем снов унизанную руку.
1973

МАДОННА КОНЕСТАБИЛЕ

Мой мимолётный разум, не печалься,
Давай водой озёрною вздохнём —
Благоуханный примет в нас участие,
И станет легче с мыслями о нём.

Он пахнет мглой, не связанный делами,
Из книги жизни знает пару строк,
И над большими белыми полями
Летает, огибая корешок,

И карточкой с визитным крапом оспы,
Чернильных птичек одевая в плоть,
Навстречу всем, кто не родился вовсе,
Скользит за просветлённый переплёт.
1973

ФАУСТ

Тревога хвойных слухов —
Мой мир передвижной —
Толпа незваных звуков
Над замкнутой волной.
Реестром звёзд несметных
Сазан, мой брат хмельной,
Сверкает в бездне смертной
Чешуйчатой спиной.
1973

МОЛЕНИЕ О ЧАШЕ

Ночь содрогнулась приближеньем боли,
Плоды пространства страхом налиты,
Звёзд оскуденье слышимо сквозь голый
И зримый голос пустоты.

Толпой созвездий густо замирая
У входа в суженный зрачок,
Отягощённый свет вызывает: «Равви!
Я в этой тьме — один, как светлячок».
1973

УЗНАВАНИЕ

Кого ты встретил,
Кого ты видел возле грушевой горы,
Кто с нами третий,
Кто двери лета затворённые открыл,

Кому все эти
Дубы и клёны многоярусной игры,
Кто чище смерти
Оделся в тогу аистиных сладких крыл?..
1973

ЦАРСТВЕННОЕ

К небосводу багрового гнева
Обратился приземистый лик:
За окном собирались деревья,
Я поклоном приветствовал их.

— Что нам делать, стропила вселенной,
Колоколенок птичьих столбы,
Коль в подлунном наследном именье
Мы — клеймённые страхом рабы?

— Препояшемся бранной листвою
И на пилы пойдём напролом,
Если Тёмный воссядет главою
За медовым гудящим столом.

Нам известны хоромы и клетки,
Мы в любое глядели окно.
Лишь молчавшим в течение столетий
На Суде будет слово дано.
1973

ПУТЬ К СОЛОВЬЮ

Прикинется тихим — но слышен задолго,
Тропа предваряет, готовит луна,
И следуют ели, и песней-иглой
Касаются сумерек влажного дна.

И шаткий рассудок, отомкнутый бедам,
И проза с незрячим её колесом
Покажутся только немислимым бегом,
Мгновенной погоней, забыв обо всём, —

За ящиком судеб лесного солиста,
Где вёрсты защиты, персты смещены,
Где замертво свёрнутый в шишке слоистой
Безоблачный возраст смолистой сосны.
1973

ТРИАДА

Я слово во тьме, словно птичку, ловлю —
Что может быть лучше пути к соловью?

Оставь голоса — недалёк твой закат.
Ты знал, как отдельные звуки звучат.

Он всё обращает пред музыкой в прах —
И с ней пребывает в обоих мирах.

1973

ПРАВЕДНИК

Записывай: истрёпанные травы
В посте и созерцанье пожелтели,
И дуб, темноволосый, многоглавый,
Качается в молитве листвотелой...

Прости, но я неправильно диктую —
Шумели мысли, медленно стихая:
Я вписан в книгу, гневом налитую,
Я сам, молясь, смолою истекаю...

1973

ГЛУХОЙ

— Для чего ты звенишь, шелестишь,
Дал истоки звучания разным,
Разве ты соловей или чиж,
Что тревожишь нас голосом праздным?

— Что мне делать? При жизни со мной
Говорили лишь стоном и рёвом,
И пред самой кончиной, весной,
Только клён перекинулся словом.

1973

МОРОЗ

Название позабыл. Мне кажется, оно
И раньше редко так произносилось,
А нынче вовсе ветром сметено,
В минуту вьюги в память не просилось —
Осталось корку бросить за окно...

...Простите, не мертво оно. Скорей,
Застыло где-то. Зимами другими
Дышать ему пришлось...
Я вспомнил: это — имя.
Оно черствело льдинкой средь скорбей
И было больше пламени любимо.
1973

ЖИВУЩИЙ В КЛЁНЕ

Почуявший скачки словесной лани,
Не медли, напрягая мысли лук,
Не оглянись, благословенья длани
С охотой возложив на лёгкий плуг. —
Он понимал, *что* говорят вокруг.

Склонившись над душой, расцветшей втайне,
Над чашей ароматов и заслуг,
Не зная речи, в сумерках желаний
Вкусивший от тепла воздетых рук, —
Он понимал, *что* говорят вокруг.

Скользят не по дороге лета сани,
Зимою колесницы слышен стук.
Над ним и в нём, концом его исканий,
Ствол вечности с дуплом избытых мук. —
Он понимал, *что* говорят вокруг.
1973

ЛАБИРИНТ

И звук свирели с нивы непочатой,
Исполнен лепета птенцов,
Слетел с высот — и веки запечатал,
И усмехается в лицо.

Но иллирийцы напрягают луки,
Опутан нитью остров Крит,
И не пойму: то крылья или руки,
И не хочу глаза открыть.
1973

РОБЕРТУ СТИВЕНСОНУ

Стучат настойчиво. Дверь отвечает
Таким же стучащим: «Кто?» —
И в чашке качается, вместо чая,
Из книги сухой цветок.

Мой дом встревожен. С обложкой белой
Возилась ключница час.
Все только спали. Все живы, целы,
Зевают окна, лучась.

Узнай себя в этом старом рае,
В негромком особняке,
С погасшим садом душой играя
И с веточкой лет в руке.

1973

* * *

Спицы лета вертятся быстрее,
Но и в них целую гром и шорох —
Мудрый город, круглый год кудрей,
Чёрною росой орошённых.

Окунаешь в пену и смолу
Локон золотеющий, летящий,
Наполняешь полднем лёгкий луг,
Жёлтым соком — жаждущие чаши.

Раствори мне губы в этот час,
И ворота неба, и бутоны:
В голубые гимны облачась,
Седину светил губами трону!

1973

Н. 3.

Ты ли, под ливнем презренья намокший,
Прячущий птицу о нас под плащом,
С неба ниспавший и скоро умолкший, —
Ты ль, как реченье, устам возвращён?

Ты ль изъяснишь нам природу заката,
Ты ль, онемев, повествуешь о днях —

В них полевые крылатые сваты
Песней сестре огласили дубняк?

Жертвенной башней стояла разруха,
Землю заклали, и падала соль —
Соединялись опавшие руки
Смерти и радости в мысли лесной.
1973

ИРЛАНДИЯ

Ты — болот и трясин колонист —
Пренебрёг водопадом гортанным:
Рукавом от чудес заслонись,
Ослеплённый ирландским преданьем —

Как оделись в печаль догола
И тела их олени, и лица,
Как из лука выходит стрела,
Будто слово из уст прозорливца,

Как зелёный пронзён средь полей,
Как в огонь увлекает багровый,
Как настигнутый синий олень
Закрывает надмирную кровлю,

О зверье застывающих чащ
Возвещая серебряным горном,
Расстилая светящийся плащ
В дольном мире — и в Имени горнем.
1973

ИЗ КНИГИ «КЛЕНОВЫЙ КЛАН»

1974—1976

Сокрытой гранью глаза зрел я гурий.
Тот сад — вне мира, ибо в скорлупе
Любая часть захвачена орехом.
И жаркие слова, подобно рекам,
Стекались к ним, когда отшельник пел.
Их слушали, безмолвно брови хмуры.
1974

И если встречаешься с деревом сонным,
Желая к заре пробужденья ему, —
Оно, не ответив, как воинством конным,
Умчится листвою в безвозмездную тьму.

И часто, событием скользя плоскодонным
По водам забывчивым скраденных стран,
Сухой донесётся до берега гомон —
Покровом дороге и в пищу кострам.

Его собираем на память, но кто нам
Легчайших частиц распахнёт естество?
А он, истолчённый, рассыплется звоном
И стоном — и больше в нём нет ничего...
1974

МОТЫЛЁК

О, не летавший вовсе не жил,
И ждёт бурлящая смола
Иль холод ждёт его. Но где же
Душа осуждена была
Летающая? Даже реже,
Чем в глаз вонзается игла,
Случится то, что с Силой Зла
Произошло.

Недвижны межи
Меж тварью, что во тьме ползла, —
И той, что дни считала те же,
Раскинутые веси нежа
Под перекладиной крыла:
Такая, лишь смежила вежды —
Из тьмы в нетленье перешла.

Простором медленного взлёта
И ты, погибший, одарён:
Тебя носил счастливый сон
Из края в край, в ночах без счёта,
И обо всём земном заботы
Ты оставлял внизу, лишён
Телесной тягостной дремоты.

Но был убит однажды кто-то
Тобой, и жил на свете он
Лишь день. Ты вышел на охоту,
Бежал и медлил, ослеплён
Той полнотой ожившей ноты,
Тем бытиём двойного счёта,
Каким убийца наделён...

Бессрочно, как подруга Лота,
К вине солёной пригвождён, —
Как склеп под слоем позолоты,
Ты канешь в тёмный Аваддон!..
1974

С ног сбивает, грозою разогнанный,
Лучших снов улаждающий гул.
Даже вылететь шумными окнами,
Даже с тучей влететь — не могу.

Но какие фигуры выделявал
Сумасбродно танцующий гром...
Скрой меня, непостижное дерево,
Под обманным зелёным крылом!
1974

Во мгле заграждали чешуйчатой грудью,
Встречались зимою — и было теплей,
Мостами легли, берегли перепутья,
Ловили с обрыва, скрывали в дупле.

И слух, оглушённый первичной виною,
Очистился жертвой раскинутых рук
Великих деревьев, увиденных мною
В садах городских, и во сне, и в жару.

Приблизу к губам умолкающим палец —
И слышу, как бодрствует в мире ветла,
В молчанье зеркальной горой рассыпаясь
И Бога святя в сердцевине ствола.
1974

Незримых, перелётных, многоногих,
И кротких, и тоскующих по мне,
Намеченных в бесчисленных прологах
К незавершённой веренице дней —

Существ, сонаблюдающих со мною,
Душе моей соседство всё слышней,
В нас сад — единой мыслию сквозною —
Как предречение листьев в глубине

Его ствола, в таящей сердцевине. —
Да не погибнет по моей вине
Никто из тех, чьим зреньем сад раздвинут
И чьи зрачки — дворцы его теней.

1974

СТИХИ

— Зачем бегут в чужие страны
Из тёплой памяти жилой?
— В её ворота гроздью пьяной
Природа смотрит тяжело —

И шепчет: «Я тебя разрушу,
Но сохраню твои слова». —
И им не терпится наружу,
Туда, где речь всегда жива.

1974

ДЕТСКОЕ

— Полосатый, застывший в полёте,
Золотой и усатый страж,
Разрешите спросить: что несёте?
Где медовый владыка ваш?
Что за нитки в накидке бальной
У одной из жужжащих дам?

— Это тайна. А вы, случайно,
Не из вражеских ульев к нам?

1974

ТОПОЛЬ

...Ты пас, ходя в хитоне выцветшем,
Туман, и облако, и дым.
Когда же флаг восстанья вывешен
Над горизонтом крепостным,

И над ступающими ливнями
Сад, вовлечённый в торжество, —
Не хижина, но залы длинные
Колонн, лепнины дождевой, —

Уж ты изгнанником не кажешься:
Тебя на трон вернул мятеж,
И ты царишь в зелёной тяжести
Своих наследственных одежд.
1974

...Когда судьбу его листали —
Как лист, он в осень был внесён.
Его одели в горностаи,
И в багряницу, и в виссон.

Там выступать ему велели
Надменным шагом короля,
Там успокаивали ели,
Ветвями плавно шевеля.

Там жёлтой завистью болели
Среди пылающей хвалы,
Там титульные листья тлели
И родословные стволы.

Но цел ещё средь кружев рваных
Закатной гордости рубин.
И он здесь — первый среди равных
И зритель гибельных глубин.
1974